

Михаил Петрович Крылов (11.02.1952 — 18.05.2015)

Уже в момент подготовки первого номера журнала за 2015 год пришло печальное известие. Не стало Михаила Петровича Крылова — доктора географических наук, автора более 150 научных работ, в том числе монографий, как авторских, так и коллективных. Михаил Петрович был автором оригинальной концепции региональной идентичности, апробированной в условиях России и ближнего зарубежья. Он стоял у истоков журнала «Лабиринт». Поддерживал его критическими замечаниями, принимал активное участие в обсуждении публикуемых материалов, часто инициировал интереснейшие научные дискуссии.

Несмотря на болезнь, Михаил Петрович продолжал работать. Старался участвовать в конференциях и семинарах, в основном заочно. В декабре 2014 года он подготовил выступление для методологического семинара в Московском городском педагогическом университете. Его соображения «о евразийстве и неоевразийстве» были зачитаны участникам. Мы считаем своим долгом опубликовать эти соображения Михаила Петровича Крылова. Авторская стилистика и форматирование сохранены.

М. П. Крылов

О ЕВРАЗИЙСТВЕ И НЕОЕВРАЗИЙСТВЕ

В идее евразийства меня очень смущают следующие два обстоятельства:

1. Классическое евразийство, будучи доктриной, как бы принимающей логику исторического процесса и формулу – всё действительно разумно, история права - по умолчанию предполагает реабилитацию колоссальнейших жертв монголов в XIII веке; погибли и люди, и культура (Иран, Багдад, по сути, везде – исключение – Китай – хотя убит был каждый третий китаец, возможно – Корея). *Чисто визуально легко заметить безусловный регресс в архитектуре, – в Средней/Центральной Азии: например, в домонгольской Бухаре Мавзолее Исмаила Самани – и почти всё после монгольского нашествия – все шедевры Самарканда – уже безусловный шаг назад (может быть, кроме мавзолея Гур-Эмир); в Бухаре – как бы вообще ничего – только чисто восточный город (по моим впечатлениям – апрель 1987).*

По сути, идея евразийства допускает возможность и даже полезность культурной и экономической интеграции через кровь и гибель культур, как бы оправдывает факт монгольского нашествия XIII века, трактуя его как значимый исторический прецедент... «Лес рубят – щепки летят». И где же здесь та грань, которая должна бы отделять от Гитлера??!

Возможно, евразийцы (Г.Вернадский и др.) не шли так далеко в рассуждениях. Имелось в виду, что исторически сложилось так, что Русь подверглась сильному влиянию Востока. Но часть евразийцев действительно пыталась аргументировано оправдать и возвеличить Чингисхана и его последователей (см., например, книгу, впервые изданную в Праге в 1927 г, Эреджена Хара-Давана, калмыка по происхождению).

Если же отказаться от красочной (и опасной!) исторической оболочки, то останется просто исторический факт восточного культурного воздействия на Русь и вопрос о необходимости это учитывать в современной жизни – интеллектуально более слабая конструкция, как бы менее теоретически аргументированная... Евразийство ли это?

Прецеденты (существенно) более мягкой интеграции «железом и кровью»: походы и по-

IN MEMORIAM

следующая политика Александра Македонского (но кроме Финикии и, особенно Тира, где было полностью уничтожено всё многочисленное население порядка 50 тыс. чел., хотя якобы 30 тыс. было флотом эвакуировано в Карфаген); создание Арабского Халифата, наполеоновские войны, Бисмарк. Обычно эпоха Александра Македонского трактуется положительно по всем позициям. Создание Арабского халифата – в основном – как бы тоже положительно, Бисмарк – как исторически и логически необходимый этап... Наверное, «дело в мере», при этом прецедент, взятый за ЛОГИЧЕСКУЮ основу евразийством, выглядит, вообще говоря, одиозным.

2. Второе обстоятельство, возможно, более существенное, чем первое. Идея евразийства как культурного и ментального тяготения, подобия и т.п. Россия и русская Азия полностью противоречит выводу Ю.М. Лотмана (1994) о том, что для нас всё, что было до Петра – это “TERRA INCOGNITA” – в смысле совершенно другого мировоззрения людей и всего прочего – совсем иными были не только отношения между людьми, но и сами люди; их внутренний мир был совсем иным, недоступным нашему сегодняшнему восприятию. Мы все – порождение Петра. Допетровский мир исчез навсегда и не сейчас. То есть россияне, русские – по образу мыслей, менталитету и т.п. – европейцы, – в соответствии с «проектом» Петра (у нас имеется много разного рода маргиналов, людей со слишком своеобразным или примитивным мышлением, но это вовсе не означает, что они «азиаты». В Европе тоже их немало).

Остаётся вопрос о социальных институтах, абсолютизме и т.д. Все эти вопросы служат предметом дискуссий историков, поскольку так или иначе «непрогрессивные» институты существовали почти во всей Европе, разные государства преодолевали свою отсталость по отношению Англии и Голландии с разной скоростью; Россия шла замедленно, но тоже шла (после 1905 г., возможно, она уже вышла на европейский уровень).

В любом случае, образ мыслей у нас, при всей специфике – разновидность европейского, может быть, какой-то подтип или тип. (Иногда возможны существенные отличия в менталитете, даже в ценностной научной традиции, – см., например, работы чл.-к. РАН А.В. Юревича. Известно, например, неполное восприятие идей В.И. Вернадского на Западе – см. работы ИИЕиТ РАН, – Г.П. Аксёнов и др.). В Европе тоже нет единомыслия по странам и народам, и в науке на самом деле нет единого логического подхода, например, существенны различия германской традиции и англоязычного подхода, А. Геттнера и Д. Харви...

По поводу НЕОЕВРАЗИЙСТВА. Мне хотелось бы отвлечься как от весёлой компании Л. Гумилёва – А. Дугина, так и от популярной практики заменять аргументацию демагогическими ссылками на «особый путь России», «передовой западный опыт», «евразийство», «интеграцией в западную систему ценностей», «болонский процесс» и т.д. Речь идёт о широком спектре наших деятелей – от того же А.Дугина до ВШЭ и министра Ливанова, от В. В. Жириновского до ... (вставить по вкусу). Равным образом, я хочу отвлечься ото всех новейших телодвижений власти, от «аншлюса» и т. д.

Мне кажется, что здесь – прежде всего с научно-интеллектуальной точки зрения важно определиться с феноменом “Drang nach Osten”. Это – миф или реальность? И если всё-таки – это какой-то элемент реальности, то тогда действительно существует проблема какой-то дополнительной кооперации с «восточным тылом»; просто – «тылом» или же с «цивилизационным тылом»? Это - особый вопрос.

В вопросе о феномене “Drang nach Osten” в качестве ключевой точки, задающей систему координат, я предлагаю брать Грюнвальдскую битву (1410), а не Ледовое побоище и(ли) Куликовскую битву.

В связи с Ледовым побоищем и деятельностью Александра Невского. Российские исто-

рики в начале 2000-х гг. подвергли тщательной экспертизе циркулирующие мнения о том, что фактически Александр Невский в своей политике отстаивал интересы завоевателей, в ущерб соотечественникам. Обвинения не подтвердились. Вновь доказано/показано, что Александр действовал как искусный дипломат, добившийся допустимого компромисса.

Далее – ограничимся примерами недавних и несколько более отдалённых событий.

Крым, особенно Севастополь – это вопрос именно ИДЕНТИЧНОСТИ. Эта категория лежит сугубо ВНЕ ПЛОКОСТИ ведущейся сейчас азартной игры и в каком-то смысле ИРРАЦИОНАЛЬНА, как иррациональна пассионарность, заложенная в культурной традиции и глубинах сознания. **(Маленькая иллюстрация: ФРГ признала границу с Данией лишь в 1955 г. - !! –несмотря на безоговорочную капитуляцию в 1945 г.).**

В 1955 г. СССР передал Китаю Ляодунский полуостров. Это плохо или хорошо?

Когда я был школьником, знакомые моего отца говорили: Калининград – это, разумеется не Калининград, а Кёнигсберг...

P.S. Текст подготовлен 2 – 4 декабря 2014 г. Работа над текстом завершена в 11.30 4 декабря.